

18+

Сергей Жмакин

Золотая середина, или Игра в сволочей

Сергей Жмакин

**Золотая середина,
или Игра в сволочей**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Жмакин С. А.

Золотая середина, или Игра в сволочей / С. А. Жмакин —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

Молодой преуспевающий стоматолог хочет развестись с женой и обрести счастье с любимой женщиной. Жена, не желая остаться «разведёнкой» с двумя детьми, пользуется тем, что ее муж, сбив насмерть человека, сбежал с места ДТП. Она шантажирует его тем, что, в случае развода, сообщит куда следует о его преступлении. Или пусть он поможет ей найти себе замену: она не расстанется с мужем, пока не встретит подходящего мужчину. Да еще бывший муж его возлюбленной никак не может успокоиться - от него можно ожидать всё, что угодно, вплоть до убийства в состоянии аффекта. Как найти выход из этой ловушки?

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	9
3	11
4	14
5	15
6	18
7	20
8	22
9	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

*Зубная боль обычно начинается в ночь на субботу.
Закон Джонсона и Лэрда*

Часть 1

1

Павел Лунин ехал по Увальскому шоссе в деревню – на пригородную «фазенду» – с женой Верой, с которой хотел развестись и не знал, как это безболезненно сделать.

Асфальт лежал ровный, машина легко летела по дороге, рассекающей зеленый лес, Павел не заметил, как разогнался далеко за сотню. Встречный «уазик» издали мигнул дальним светом. Лунин оторвал руку от руля, помачал открытой ладонью в знак благодарности и стал притормаживать.

– Спасибо, добрый человек, – произнес он. – Крепкого здоровья тебе и удачи в пути... Верунька, поиграем? Давно не играли.

– Как хочешь, – вяло отозвалась жена.

По встрече мчался пузатый внедорожник. Лунины ждали, что он им посигналит, но тот промчался, не обратив на них внимания.

– Сволочь, – констатировал Павел.

– Может, там и гаишников-то нет, – сказала Вера.

– Должны быть. Просто так от нечего делать люди мигать не будут.

Разрешая их спор, встречный «жигуленок» дважды моргнул.

– Спасибо, товарищ, – салютнул ему Павел. – Семь футов тебе под килем.

Вскоре они увидели на обочине радар на треножке, а чуть дальше среди сосен и затаившуюся машину гаишников. Проехали мимо под законные девяносто.

Раньше дорожные игры Павла и Веру веселили. Особенно, когда проезжали стационарный гаишный пост, где их могли запросто тормознуть для профилактики. Вера импровизировала с гримасами. «Павлик, смотри, может, так?» – спрашивала она, и ее симпатичное личико делалось пучеглазым. «Или так?» – ее губки кривились, а щеки некрасиво втягивались. Предполагалось, что на безобразную женщину гаишнику будет неинтересно реагировать. Неизвестно, именно ли это помогало, но пока их ни разу не останавливали.

Теперь настала их очередь мигать дальним светом. Впереди приближалась громадная фура. В этих дорожных монстрах водители обычно опытные волчары, ничего не боятся, общаются между собой по рации, никого чужого об опасности не предупреждают, их тоже предупреждать бесполезно, благодарности не дождешься. А вот следом ехала «газелька», её можно было проверить «на вшивость».

– Верунька, глянь на водилу, как он отреагирует, я на дорогу смотрю, могу пропустить, – напомнил Лунин жене и нажал пару раз дальний свет.

– Махнул, – сказала Вера.

– Вот это по-нашему. Что ж, добрый человек, ты настоящий джентльмен, на «спасибо» твое прими наше скромное «пожалуйста», нам не жалко.

Как бы удовлетворенный, благодушно настроенный, Павел посигналил встречному «шевроле».

– Ну что, Верунька?

– Даже бровью не пошевелил, – отозвалась она.

– Сволочь!

Еще две машины подряд живо промчались мимо, проигнорировав бескорыстную доброту.

– Всё, мы обиделись, больше никому, – сказал Лунин.

Какое-то время они ехали молча, думая каждый о своем. Последнее выяснение отношений расширило полосу неприязни между ними, казалось, так, что не перешагнуть ее, не перепрыгнуть.

Шоссе опустело. Павел поддал газу, ему хотелось быстрее приехать, тягостное молчание начинало раздражать. Впереди попутно катил на мопеде какой-то человек в черной рабочей спецовке.

– Я думал, мопедов уже давно в природе не существует, ан нет, где-то еще тарыхтит эта рухлядь, – усмехнулся Лунин.

Он включил поворотник и изящно рванул на обгон, как вдруг человек на мопеде резко свернул налево. Раздался глухой удар, черное тело взлетело, скользнуло по крыше машины и исчезло позади. Лунин нажал на тормоз. Они оглянулись: на обочине лежало что-то бесформенное, напоминающее большую тряпку. Через дорогу, вихляясь, медленно катилось колесо.

– Не останавливайся! – крикнула Вера.

– Он что, дурак? – тоже закричал Лунин.

– Не останавливайся! – снова крикнула Вера. – Надо свернуть в лес, пока никого нет!

Машина снова рванула вперед. Вдали засияли чьи-то фары.

– Ну, чего ты мылишься? – Вера посмотрела назад. – Сзади пока тоже никого, успеем.

– Куда я сверну? Сплошной лес, мы же не на вертолете... Есть же на свете идиоты, им любой транспорт противопоказан, даже самокат! – Лунин в бешенстве ударил кулаком по рулю.

Наконец они заметили песчаный спуск в лесную чащу. Лунин съехал с асфальта, и они помчались среди сосен, подпрыгивая на корнях, сворачивая то на одну дорожку, то на другую, словно, запутывая следы, уходили от погони. Остановились, когда увидели впереди дерево поперек колеи. Лунин вышел из машины, прислушался. Шелестели сосновые кроны, щебетали птицы, где-то наверху постукивал невидимый дятел. Павел оглядел передок машины: бампер «логана» треснул, с его правой стороны зияла дыра, номер посередине был вогнут. Но могло быть и хуже.

Подошла Вера.

– Я думал, всё разворочено, а здесь еще ничего, поправимо, даже фары целые... – сказал Лунин. – Может, мы зря уехали? Может, он живой и ему помощь нужна?

– А что, давай вернемся. Проверим, живой он или нет, – откликнулась она.

Они пристально посмотрели друг на друга.

– Я ни в чем не виноват, этот придурок сам бросился под колеса! – крикнул Павел.

– Ты на меня-то чего орешь? – спокойно спросила Вера. – Надо выбираться отсюда. Ехать лесом в деревню.

– Рискованно. – Лунин попытался разогнуть номер. – Нельзя, чтобы кто-нибудь в деревне увидел разбитый бампер. Пойдут слухи, вдруг догадаются.

– И что мне теперь, здесь до ночи куковать?

– Не знаю. Надо подумать, как лучше сделать. – Лунин потрогал края дыры, вслух размышляя: – Кусок пластика там на шоссе где-то валяется. Но мало ли что, на нем ведь ничего не написано. Бампер можно заменить, в гаражах есть умельцы.

– Паша, поехали в деревню, мне здесь плохо, – жалобно попросила Вера. – Заезжать туда не будем, оставим машину в кустах на краю леса, а сами пешком до дома дойдем. Как стемнеет, машину заберем.

– Ага, заберем. Разутую, без колес. – Лунин нервно хохотнул. – Да и чего это мы всегда на машине, а тут вдруг пешком из леса топаем?

– Да кому мы нужны!

– Кому надо, тому понадобится. Во всяком случае, я. Ты-то здесь не при чем. – И он исподлобья взглянул на нее. – Ладно, давай так сделаем. Я тебя до деревни подброшу, а ты до

дома сама дойдешь, чего там идти – третий дом с краю. Я в лесу до темноты перекантуюсь, потом тебя заберу и – в город.

2

Конечно, это была большая глупость – ехать по лесу, того и гляди, наткнешься на кого-нибудь из деревенских. Идеальный вариант – это спрятать машину в чащобе и ждать, ждать, ждать, пока спасительная темнота не позволит улизнуть в город. Но, вот беда, Вере не комфортно полдня торчать в лесу. Весь напряженный от страха, Лунин довез ее до края леса. Ей оставалось пройти через открытую прогалину, а там до их «фазенды» рукой подать.

– Родных, если звонить будут, предупреди, я машину чиню, поэтому задерживаемся, – напутствовал жену Лунин. – Прошу тебя, не рассказывай никому о том, что на самом деле произошло. Ни маме, ни папе, ни брату, ни, тем более, детям, вообще никому. Ты же понимаешь, насколько это серьезно?

Она ничего не ответила, хлопнула дверкой.

– Ты понимаешь? – крикнул он ей вслед.

– Не думай, что все такие предатели, как некоторые, – сказала она.

Лунин развернулся и понесся по лесу. Благополучно вернулся на прежнее место и поставил машину капотом вплотную к густой поросли сосняка. Теперь можно было постараться успокоиться и поразмыслить. Ему не давала покоя мысль о том, что жизнь его сейчас может круто измениться. И не в лучшую сторону. Нельзя этого допустить. Убежать с места аварии – дело подсудное. А если бы он остался? Тогда пришлось бы звонить в полицию, дожидаться ее, составили бы протокол. Он дает показания, рядом лежит убитым им человек, свидетелей нет – жена не в счет, как лицо заинтересованное. На него могут запросто завести уголовку. А что, времена сейчас суровые, правду днем с огнем не сыщешь. Или заставят откупаться, масса таких случаев. Нет уж, хрена вам лысого!

– Да, да, хрена вам лысого, – вслух произнес Лунин, вышагивая возле машины.

Да, он правильно сделал, что убежал, если мужичок умер. Причем, Лунин не виноват. Также не виноват был бы машинист электровоза, который видит, как идущий вдоль рельсов человек вдруг бросается под поезд. А если не умер? Тогда это, вроде бы, уже другое дело. Тогда надо было остановиться и помочь – вызвать скорую или увезти в больницу, или перевязать рану, или дать из аптечки таблетки – короче, не оставить человека в беде. Хотя Лунин не виноват, что этот debil вдруг ни того, ни с сего сиганул ему под колеса! А может, он специально бросился? А что? Решил покончить с собой. Если это так, то пусть лучше бы он умер. И все бы сразу встало на свои места.

Лунин взял из багажника ведерко, надел штормовку, чтобы походить на грибника, и быстрым шагом двинул в сторону шума, долетающего с трассы. До темноты времени было много, он еще замается тут околачиваться, поэтому можно пока прогуляться до шоссе и разведать обстановку. «Нехорошо желать смерти другому человеку. Но я ведь и не желаю. – Лунин размашисто шагал напролом через заросли ивняка и частоколы сосновых посадок. – Просто хочу ясности. Я никому не хотел и не хочу зла. Я жил спокойно, ехал себе, никого не трогал и хочу дальше жить спокойно. У меня других забот хватает».

Вскоре сквозь деревья он увидел трассу, по которой время от времени пролетали машины. Примерно представляя, где он, убегая, свернул с асфальта, Лунин, укрываемый лесом, быстрым шагом пошел вдоль шоссе. Он отшагал уже больше километра, но обочины трассы были пустые, и ему подумалось, что, может быть, весь этот ужас со сбитым мужичком – плод его фантазии? Ах, как хорошо бы было, если бы это был сон, какое бы это было счастье!

Но невдалеке на обочине уже пульсировала проблесковыми маячками гаишная машина... Лунин остановился напротив нее, незаметный в гуще листвы молодых березок, и стал наблюдать. Кроме полицейской «приоры» на обочине стояли еще две легковушки. Один их гаишников сидел за рулем и что-то писал, наверное, протокол. Другой – возле машины –

разговаривал с мужчиной в тюбетейке. Лунин жадно искал то, ради чего его принесли сюда ноги. И сразу нашел. Тело в черной спецовке, очень щуплое и необычайно плоское, словно побывавшее под прессом, лежало неподвижно на боку, нестриженным затылком к Лунину. У Павла разом вспотели ладони, к горлу подкатила тошнота. Мужчина в тюбетейке распахнул багажник «форда», вынул оттуда что-то типа большой тряпки, накинул её на голову мертвеца, кивнул гаишнику и уехал. Гаишник достал телефон. Что он говорил, Лунин не слышал: слишком далеко, и машины – по трассе туда-сюда – шумели. У него ослабели ноги, он сел в траву. И затем он вдруг потерял ощущение времени и пространства. Впервые такое с ним случилось на трезвую голову. Очнулся лежащим на спине. Сколько лежал – не понял. В висках ломило. Хотелось пить. На обочине шоссе стояла «скорая» с распахнутой задней дверкой. Человек в белом халате вытянул из «скорой» носилки, положил на землю, сказал что-то гаишнику. Тот зачем-то огляделся по сторонам, неохотно подошел к мертвому телу. Вместе они приподняли труп, положили на носилки, задвинули в машину. Гаишник посмотрел на свои руки, будто впервые их увидел, потом обтер их о брюки. Лунин поднялся и на ватных ногах побрел в глубину леса.

3

Он позвонил ассистентке Кристине и сказал, что сегодня его не будет.

– Там у меня пара пациентов записана, пусть их Эльвира обслужит, если согласятся.

– Хорошо, Павел Сергеевич. У нее на это время тоже пациенты, но это решим, – ответила Кристина.

– Приходила тетка, которая с претензией? – спросил он.

– Да. Она в суд хочет подавать. Сказала, что моральный ущерб будет нам стоить миллион рублей. Я навела справки. Одну коронку ей поставили в «МастерДенте», вторую – в «Элите», третью, видимо, решила у нас. Девчонки говорят, пришлось деньги возвращать, она им тоже судом грозилась.

– Вот мырма! – возмутился Лунин. – Может, нам не бояться суда? Биться до последнего?

– Девчонки посчитали: дешевле вернуть деньги. Да и тетка какая-то не простая, служит где-то.

– Ладно, я подумаю.

Потом он позвонил Ольге и сообщил, что вечером встретиться не получится: завис в деревне, ждет бригаду, которая будет ставить забор из металлопрофиля. О том, что с ним произошло, Лунин рассказывать не стал. Ольга была беременна, пусть срок небольшой, но не надо бы ей пока про все эти ужасы знать.

– Очень жаль, я так ждала сегодняшнего вечера, – сказала Ольга. – Тогда завтра?

– Завтра обязательно. – Лунин, помолчав, виновато продолжил: – Еще не успел переговорить. Пока ситуация не позволяет.

– Понимаю, – сказала Ольга. – Тебе виднее.

От нечего делать и чтобы убить время, Лунин решил поискать грибы. Он бродил по лесу, помахивая перед собой прутиком, чтобы не наткнуться на противную паутину. Хорошо бы найти сыроежек, тогда можно было бы, наверно, заглушить голод, который подкатывал к горлу. Грибов он не нашел, наткнулся на редкие кустики земляники, но разве молодой, здоровый организм ягодой накормишь? Надо идти в деревню да поесть чего-нибудь там. Действительно, чего уж до такой степени трястись.

Позвонила Вера.

– Павлик, ты, наверное, есть хочешь? Я сварила картошки, и у нас сало есть. Давай, я тебе принесу, поешь горяченького.

Голос у нее неожиданно звонкий, напористый, она явно в хорошем настроении. Видимо, для таких, как Вера, в страданиях ближнего есть что-то веселящее. Лунин представил, как она, словно партизанка-разведчица, с корзинкой в руке углубляется в лес, украдкой озираясь по сторонам, как торжественно выкладывает перед ним снедь, как терпеливо и преданно ждет, когда он утолит голод. Этот спектакль ему трудно будет вынести.

– Я сейчас сам приду, – сказал Лунин. – Надоело здесь куковать.

Он нарвал зеленых кустиков земляники с редкими на них ягодами, заполнил ведро, закрыл машину и, как был в штормовке, быстрым шагом, почти бегом подался по лесной дороге в сторону деревни. Ну, якобы ходил за грибами да ничего толком не нашел. Мало ли что, кому какое дело.

Выйдя из леса, он замедлил шаг. Обширную прогалину, залитую солнцем, поросшую крапивой, полынью и репейником, миновал без приключений, никого не встретив. Вдали за зарослями черемухи виднелся «жигулёнок», два мужика кидали в прицеп песок лопатами. Он их не знает, они его, наверняка, тоже, да и далеко, не разглядишь. Вот он уже идет по деревенской улице, а вот и их дом. Вернее, дом не их с Верой, а его родителей – отец купил эту столетнюю хибару с шестнадцатью сотками огорода лет пятнадцать назад. А молодым, когда

наметились дети, соорудили пристрой в одну комнатку, чтобы имели свой угол для летнего отдыха. Когда Лунин решил разводиться с Верой, он не хотел делить трехкомнатную квартиру, чтобы не ущемлять детей, и перед ним встал вопрос: а где же ему жить? И придумал построить дом на огороде у родителей. А что? Город близко – двадцать пять километров, асфальт, ехать по времени всего ничего. В Москве, говорят, вообще по два часа домой с работы добираются, а тут топнул – и вот моя деревня, вот мой дом родной. Сруб из бревен – семь на восемь – уже возвышается на огороде, следующий этап – возвести крышу, что Лунин непременно сделает. Но пока это не актуально: они с Ольгой взяли квартиру-двушку в ипотеку.

Лунин торопливо жевал картошку с салом. Торчать в лесу было неважно, потому что он потащился в деревню, но теперь он уже беспокоился о машине, представляя жуткую картину, как местные алкаши-наркоманы – а их по деревне хватает – курочат его «логан». Вера налила воду в электрочайник.

– Никому ничего я не стала рассказывать, – произнесла она с улыбкой. – И про то, что ты якобы ремонтируешь, тоже не стала. Сказала маме, что мы в кои веки решили вместе одни побыть. Детей из садика она заберет. Грядки я полила.

Ее жизнерадостность раздражала Лунина. Совсем недавно сидела в машине насупленная после его вчерашних откровений, когда он, стараясь оставаться спокойным, объяснял ей, что ему плохо рядом с ней, что у него уже сердце прихватывает от их совместного проживания. А тут развеселилась. Злорадствует, что ли? Радует его беде? Может, сейчас как раз и объявить ей, что он уходит от нее? Выложить все, что у него на душе? И будь что будет! И Ольге можно сообщить, что разговор состоялся, назад у него дороги нет.

Вера налила чай ему и себе.

– Может, поговорим? – спросил он, размешивая сахар. – Желательно спокойно, без эмоций.

– Именно сейчас?

– Да сколько можно тянуть? Зачем мучить друг друга?

– Разве я тебя мучаю? – грустно улыбнулась она. – Ладно, говори.

– Только знай, что я к тебе очень хорошо отношусь, ведь ты мать моих детей, – предупредил Лунин.

– Почему тогда постоянно рычишь на меня? Особенно последнее время в простоте слова не скажешь.

– Рычу, потому что... Я раздражаюсь рядом с тобой.

– Надо пить валерьянку, Павлик. Вообще лечить нервы. Но не орать на меня как сумасшедшему. Мне иногда просто страшно становится, кошмар какой-то.

– Вот я и хочу прекратить этот кошмар. – Лунин разгрыз сушку. – Разве ты не видишь, что мы не созданы друг для друга?

– Вот тебе раз! Десять лет были созданы, а теперь вдруг не созданы. Ты чего? – Она иронично вскинула брови.

Лунин подул на горячий чай, подумал.

– Мы же не спим вместе. Разве не понимаешь? – тихо спросил он.

– Понимаю. У тебя мужские проблемы. Ничего, бывает. Стрессы всякие. Ты не один такой. Надо обратиться к врачу. Есть много хороших лекарств.

Лунин засмеялся:

– Не в этом дело. У меня всё в порядке.

– Ничего не в порядке. Уж мне ли это не знать, – сказала она. – Мы и детей заполучили через ЭКО из-за тебя. Знаю, ты и твои родители грешите на меня, но я-то знаю, почему естественным путем не получилось.

У Лунина вертелось на языке сказать, что у него с Ольгой почему-то получилось всё легко, без лишних усилий и врачей, но он сдержал себя. Он не хотел, чтобы они с Верой расстались врагами.

– Ладно, не будем спорить, – примирительно сказал он. – Главное, что малыши появились на свет. Я их отец, я их люблю и буду любить, даже если... Даже если мы расстанемся.

– Зачем нам расставаться? Не хочу я расставаться. – Вера налила чай в блюдце. – Тебе надо вылечиться, и все наладится. Нам надо малышкой воспитывать, им через год в школу идти, у них должна быть полноценная семья.

– Я никуда не собираюсь уезжать, – сказал Лунин. – В принципе, ничего не изменится. Я буду рядом, только жить буду в другом месте. Обо всем можно договориться: когда ты с малышами, когда я.

– Где это ты собираешься жить? – удивилась Вера.

– Найду место. Мир не без добрых людей, приютят... Но не у родителей.

– Ты, поди, уже себе и бабёшечку подыскал? – продолжала игриво удивляться она.

– Нашел, а чо? – в тон ей ответил Лунин. – Это ты меня за евнуха держишь, а я на самом-то деле мужчина полноценный, в самом соку, у меня либидо-то – ого-го! – еще как гудит!

– Я ей волосёшки-то повыдергаю, – сказала Вера. – Не позволю нашу семью разрушать.

– Бесплезно. – Лунин посерьёзнул. – В общем, я подаю на развод. Вера, мы же с тобой взрослые люди, всё понимаем, давай не будем ссориться. Можно всё мирно решить.

Вера вдруг с силой бросила блюдце на стол, расплескивая чай. Полетели осколки.

– Какая же ты скотина! – крикнула она, выскочила из-за стола и ушла, хлопнув дверью.

Лунин потянулся вслед за ней во двор. Она стояла у яблони к нему спиной, ее плечи вздрагивали.

Через минуту он торопливо шагнул по направлению к лесу.

4

Ждать темноты в разгар лета оказалось нелегким испытанием. Солнце никак не хотело садиться. Лунин обследовал окрестность вокруг машины, развлекая себя тем, что пинал с разбега мухоморы, которые от удара разлетались рваными ошметками. Так увлекся, что едва не заблудился. И грибы, откуда ни возьмись, стали попадаться. Он набрал ведерко – вроде, не поганки. Потом он решил применить самое надежное средство для убивания времени – погрузиться в сон. Уселся в машину, откинулся в кресле, но уснуть не получалось, мешали мысли. Вера сбросила смс: «Я пошла на остановку. У нас с тобой дети, в конце концов». Лунин тоже написал смс, но Ольге: «Разговор состоялся. Целую». Она ответила: «А я тебя не только целую!» – и многочисленные смайлики. Он написал: «Ох, берегись, доберусь я до тебя». Она ответила: «Это я до тебя доберусь, не отвертись». Он: «Что?! Разве я когда-нибудь пытался отвертеться? Это у тебя на второй раз силёшек не хватает». Она: «Вруша-груша». В общем, виртуально поприкалывались. Лес, наконец, стал меркнуть, мрачнеть и наливать сумерками. Деревья и кусты вокруг незаметно сливались в сплошную, враждебную круговую стену. Лунину стало тревожно. Казалось, кто-то подкрадывается к машине. Того и гляди, какая-нибудь рожа с безобразным оскалом прилипнет внезапно к боковому стеклу. Пора было сматываться.

Лунин осторожно вырулил из лесного мрака на трассу и потихоньку поехал. Мимо пролетали редкие машины. Он благополучно миновал лес, впереди раскинулось зарево города. У него бешено заколотилось сердце, когда перед ним в свете фар обозначилось дорожное кольцо, на котором обычно дежурили гаишники. Так и есть! На обочине стояла их машина. Но рядом возвышался громадный лесовоз, груженный доверху бревнами, и гаишник, спиной к дороге, общался с его водителем. На Лунина не обратили никакого внимания, и он проехал, вцепившись мертвой хваткой в руль. Не сразу поверив в такую удачу, он еще с километр ехал, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида в ожидании погони, и только потом перевел дух.

В гаражном посёлке было безлюдно и темно – фонари, как обычно, не горели. Не было света и в самом гараже. Подсвечивая себе телефонным фонариком, Лунин распахнул баракло, наваленное на пол, и загнал машину, которую он в гараж не ставил с тех пор, как ее едва не угнали, поддомкратив бетонную плиту на крыше, – спас внутренний замок на воротах.

5

Когда Лунин добрался на такси до дома, малыши уже спали в своей комнате на своих кроватках. Вера в халате сидела перед телевизором.

– Как дела? Добрался нормально? – спросила она с доброжелательностью, которая Лунина сразу насторожила.

– Вроде бы, без приключений. Машину в гараж поставил, завтра куплю бампер да и заменим, – ответил он. – Никто не интересовался, где мы, что мы?

– Мама спрашивала, но я сказала, что тебя сосед попросил что-то там помочь, поэтому ты задержался, а я уехала. Ох и намучилась я! Народу толпа, как раз все с дач поехали, в автобусе теснотища, жара. Нет уж, лучше в своей машине кататься. Есть будешь? Я тебе пельмени приготовила. Не покупные, сама настряпала.

Вера пошла на кухню и поставила на газ кастрюльку с водой.

– Что? Пельмени? – искренне изумился Лунин, хотя и с долей иронии. Вера не любила готовить, в её семье главным по кухне и другим домашним делам всегда был отец, а женщины привыкли командовать. Из Лунина тоже хотели сделать бессловесного батрачка: «Павлик, приготовь! Павлик, принеси то, принес сё!» Ну, вот и добились своего: пусть ищут на его место кого-нибудь другого, более покладистого и безропотного.

– Может, тебе рюмку налить? – спросила она, когда он принял душ. – Под капустку с огурчиком.

– А что, давай, – хмуро кивнул Лунин, одеваясь в домашнее. – День сегодня был дурной, нервы на пределе.

– Вот и надо расслабиться. Я тоже сегодня вообще никакая. Составлю тебе компанию.

Она поставила на кухонный стол рюмки, достала из холодильника бутылку водки.

– С Нового года здесь стоит. Наливай, мужик. За что пьем? За любовь?

– погоди ты про любовь. – Лунин криво ухмыльнулся. – Наверное, уместнее сейчас помянуть убиенного нами, вернее, мною... раба божьего... даже имени его не знаем.

– Тьфу, дурак! Я стараюсь забыть этот ужас, а ты ... Ладно, давай помянем и забудем, как кошмарный сон.

Выпили, не чокаясь. Вера страдальчески поморщилась, потянувшись за соленым огурцом:

– Ой-ой, всегда поражаюсь, как люди пьют эту гадость.

Лунин медленно жевал.

– И чего он вдруг решил свернуть? – произнес он задумчиво. – Может, он глуховатый был и нас не услышал? Да еще мопед под ним трещал. Но оглянуться-то он должен был! Хотя бы из инстинкта самосохранения. Причем, я же не двести гнал, я же не вдруг откуда ни возьмись.

– Он хотел на боковую дорожку свернуть, – объяснила Вера, засыпая пельмени в закипевшую воду. – Ждал, когда она слева появится, увидел и забыл обо всем на свете. Да он, наверное, старенький. Молодой-то вряд ли сегодня на мопед сядет.

– Какой бы он ни был, молодой или старый, а жалко, – сказал Лунин, чувствуя, как в голове с рюмки да с голодухи зашумело. – Знаю, что я не виноват, и даже злюсь на этого придурка, но жуть какая-то берет, когда представишь, что он пережил в последние секунды жизни. Так вот сам зазеваешься где-нибудь,шибанет тебя что-нибудь или кто-нибудь со всего маху, и – мозги наружу. И уже ничего не исправить.

– Может, он живой, откуда ты знаешь, – сказала Вера.

– Знаю. Я ходил туда. Видел.

Они помолчали.

– Вот так живем и не замечаем, что каждый день будто ходим по краю обрыва, – сказал Лунин. – И никто не застрахован – раз, оступился, и ты уже там далеко внизу на дне пропасти.

– Ладно, Павлик, уж так-то не переживай. Случилось и случилось, не по твоей вине, и теперь надо забыть. Слава Богу, мы живы, у нас такие хорошие малыши, жизнь продолжается. На вот, выпей еще, тебе надо успокоиться. А мне хватит, я и так уже пьяная.

Она налила ему рюмку. Он послушно выпил.

– Я вот думаю, не надо бампер так быстро менять, надо повременить, – Лунин поддел вилкой квашеную капусту. – Могут начать искать, спрашивать в автосервисах, в магазинах. Рискованно.

– Правильно, рисковать не надо, – откликнулась Вера, помешивая пельмени. – Хотя, конечно, без машины будет трудно. Даже не представляю.

Тут Лунин вспомнил, что, собираясь уходить от Веры, он планировал оставить ей с малышами «логан», а себе купить новое авто. Теперь, видимо, задумку придется подправить: новую машину он потом отдаст Вере, а на «логане», которому и трех лет не исполнилось, после ремонта сам поедит.

– Завтра пойду и куплю «фольксваген», – объявил Лунин. – Пока финансы позволяют, не буду себе ни в чем отказывать. А «логан» пусть в гараже отстоится.

– А мне на новой дашь прокатиться? – улыбаясь, спросила Вера.

– Конечно. Еще накатаешься, уверяю тебя.

– Павлик, ты чудо! – Она обняла его за шею, коротко прижалась, поцеловала в макушку.

– И что это ты вдруг такая нежная? – ухмыльнулся Лунин.

– Я нежная к тебе тогда, когда ты это заслуживаешь, – сказала Вера, убавляя газ на плите. – А когда ты ругаешься, откуда может быть нежность? Я понимаю природу твоего раздражения, Мужскую природу. Это уже давно тянется, и надо принимать меры. Не переживай, Павлик, я тебя вылечу.

Лунин фыркнул.

– Ты опять за своё? Не надо меня лечить! Я здоров, как бык!

– Здоров? Хорошо, давай проверим.

Вера отложила половник, одной рукой обхватила Лунина за плечи, другую внезапно запустила ему в штаны.

– Ну-ка, ну-ка, посмотрим, какой ты у нас бык-производитель. Так, что-то есть. Ого, очень даже что-то есть...

Разомлевший от выпитого, Лунин вяло сопротивлялся.

– Вот ничего себе! – Он попытался освободиться от ее руки, но Вера вцепилась ласково, но крепко. – Тебе же никогда ничего не надо было, чего это ты вдруг воспылала?

– Это тебе не надо было, а мне всегда надо. Женщину вообще-то настроить надо, подготовить.

– Тебя бесполезно настраивать. Да и дело не только в этом... Вера, я просто не хочу с тобой ссориться.

– И правильно. Не будем ссориться. И я тебя никому не отдам. Понял? – Её рука угрожающе сжималась.

– Осторожнее ты там, – забеспокоился Лунин.

– Я ради малышей на все пойду, – сказала Вера. – У детей должен быть отец. А у меня – муж. Не хочу быть разведенкой, насмотрелась на подруг.

– А меня ты в расчет не берешь? У меня должна быть любимая женщина.

– Ничего, стерпится-слубится. Мы с тобой, как альпинисты, в одной связке. Тем более, после сегодняшнего случая. Ох, смотри, Павлуша, заложу я тебя со всеми потрохами... – Вера залилась неестественным смехом. – Шучу, шучу.

Она чмокнула его в щеку, вымыла с мылом под краном руки и стала накладывать в тарелку пельмени, пока Лунин осмысливал ее шутку.

– Неужели ты можешь пойти на такую подлость? – спросил он.

– Ты же не пойдешь на подлость, вот и я не пойду, – ответила Вера. – Ладно, расслабься. Замахни еще под пельмешки, а я пойду постель расправлять, поздно уже.

6

На другой день с утра Лунин, непривычно трясясь в переполненном автобусе, поехал в автосалон и купил новенький «фольксваген поло». Пока возились с предпродажной подготовкой, пока оформлял машину у гаишников, пока то да сё, полдня и пролетело. Пришлось заниматься этой ерундой вместо того, чтобы зарабатывать деньги. Четыре пациента ждут-не дождутся, когда он продолжит депульпирование их зубов для последующей обточке и установки коронок. Кристина по телефону сообщила, что было еще несколько звонков – хотели записаться к нему на консультацию, но он, понятное дело, не может назначить конкретное время, пока не уладит занудные житейские вопросы. Конечно, вроде бы, ситуация не критичная, клиника функционирует: там есть терапевт Эльвира, там есть ортопед Лариса Витальевна, туда всегда готов прийти по вызову хирург Веня – его друг сердечный, с которым он вместе ушел из городской поликлиники, чтобы начать «одиссею» с частной клиникой. Однако когда клиенты хотят попасть на прием именно к нему, а он в силу каких-то причин не может продемонстрировать свою готовность их принять, Лунина охватывает нездоровое ощущение тревоги. Так, наверное, чувствуют себя люди, пережившие продолжительный жестокий голод, видя, как кто-то небрежно смахивает тряпкой хлебные крошки со стола.

Лунин знает, что такое часами слоняться по белоснежному кабинету среди импортного зубоучебного великолепия, в которое вбухана уйма кредитных и немного своих денег, чутко слушать тишину в надежде услышать телефонный звонок, радоваться любому человеку, случайно забредшего в клинику, клюнувшего на вывеску «Добрый стоматолог». Однажды в клинику заглянул, пробегая мимо, солидный гражданин, по повадкам и одежде чиновник. У него на зубе-шестерке откололся кусочек эмали, острый край царапал язык. Там и делов-то было – легонько полирнуть скол, но Лунин, а с ним и Вениамин, засидевшиеся без работы, развернули активную, чрезмерную деятельность. Они уложили клиента в кресло и окружили его вниманием и заботой, предлагая для начала сделать снимок, перечисляя уникальные технические возможности клиники. Вид двух говорливых, напористых молодых мужиков в белых халатах, нависших над ошарашенным гражданином, видимо, зародили в нем смутные подозрения. В его глазах мелькнул испуг. Поклявшись всё хорошенько обдумать и вернуться буквально скоро, он исчез навсегда.

Этот и другие подобные случаи послужили Лунину уроком и открыли глаза на очевидные вещи. Если театр начинается с вешалки, то его клиника будет начинаться с молодой красивой женщины. Она должна уже на пороге очаровывать мужиков, а у женщин своей красотой и приятными манерами создавать впечатление, что и дальше здесь всё будет также красиво и приятно. Лунин дал задание Вене, и тот организовал собеседование, на которое потянулись претендентки на должность ассистента стоматолога. Лунин в общение с ними не вмешивался, прислушивался и поглядывал со стороны, пока ему не приглянулась одна очень симпатичная и, вроде бы, не глупенькая. С тех пор с утра до вечера в его клинику на телефонные звонки отвечал мелодичный, приветливый женский голос. Денег на зарплату этому голосу поначалу не хватало, и Лунину приходилось доставать их из своих скудных закромов.

Сейчас Лунин затруднялся объяснить, почему в начале «большого пути» он порой мыслил и поступал, как наивный чукотский мальчик. Наверное, человеку, несмотря на знание сомоновых премудростей, все-таки свойственно доверять больше своим набитым шишкам, чем чужим. Вот запала ему в голову уверенность, что стоит ему отделать помещение под евро-ремонт, установить там суперклассное оборудование и дать рекламу везде, где только можно – Интернет, телевидение, радио, газеты, – как в его клинику выстроится очередь, примерно, как когда-то в Мавзолей. Цены, конечно, будут немаленькие, но ведь, извините, и лечение будет максимально качественное.

Но очередь не выстроилась. Впереди замаячили крах, безденежье и позор. Постепенно, через пустопорожние – без клиентов и денег – дни и бессонные ночи пришло отрезвление. Поспрашивал родных и близких, пообщался с друзьями и знакомыми на предмет, по каким параметрам они выбирают стоматолога. У себя тоже полюбопытствовал. Полазил в Интернете. Поднапряг извилины. И – шаг за шагом – нашел ответ. Как будто сразу нельзя было догадаться – бездарно потерял кучу времени, молодой еще был, глупый. Лунин промониторил по телефону цены у конкурентов. У него цены будут ниже. Это первое, что нужно сделать, чтобы заманить народ. Заманить! А заманив, надо сделать второе. Пациент должен знать, что, посетив «Доброго стоматолога», он не только отдаст меньше денег, чем где-либо, и вылечит зубы по высшему разряду, но и может под надежной анестезией безбоязненно расслабиться в кресле, а то и вздремнуть. Еще он может посмотреть какой-нибудь залихватский фильмец на мониторе над головой, пока стоматолог кропотливо трудится у него во рту. И самое главное, пациент должен почувствовать, что он здесь – центр Вселенной, и ему рады не только из-за его денег, ему искренне хотят помочь. А потом свое дело сделает людская молва, которая как морская волна. Добрая молва – вот гранитная основа прибыльной стоматологии.

7

Когда Лунин приехал в клинику, Кристина сообщила ему, что с ним жаждет пообщаться та самая пациентка, которая грозит судом.

– Пусть приходит, разберемся с этим потребительским экстремистом, – хмуро процедил Лунин.

Он попросил ее распланировать по времени пациентов, которые к нему записались, а сам занялся бухгалтерией. Бухгалтерше, которая была в его ИПэшке приходящая, он платил в месяц несколько тысяч, она только сдавала отчеты в налоговую да иногда его консультировала. Свои счета на расходные материалы и запчасти для оборудования и другие документы он делал сам, и с банком взаимодействовал самостоятельно, большого ума для всего этого не требовалось.

Вскоре подошла пациентка, которая с претензией. Лунин постарался настроить себя на позитивный лад, такое у него сложилось правило в общении с клиентами.

– Что случилось, уважаемая Алла Николаевна? – заглянув в карточку, с добродушной улыбкой спросил он.

– Что случилось... Под коронкой болит зуб, который вы лечили. Я уж и не рада, что к вам обратилась, – сказала Алла Николаевна. По ее тону можно было нетрудно догадаться, что она настроена на скандал.

Перед ним, держась за щеку, сидела женщина предпенсионного возраста, но не совсем еще старая. Одета не бедно, с прической, лицо ухоженное, с легким макияжем. Так выглядит сегодня потребитель-экстремист.

– Болит? – удивился Лунин. – Не должно болеть, Алла Николаевна. Мы не позволим зубу болеть. Давайте разберемся.

– А что тут разбираться? Вы с меня взяли такие огромные деньги, а зуб как болел, так и болит. Еще хуже стало. Вы что думаете, у наших учителей большая зарплата? Получается, меня как будто ограбили.

«Так, понятно. Проклятые врачи-рвачи обидели нищего учителя. Домашняя заготовка для судебного разбирательства», – подумал Лунин.

– Мы работаем всегда на совесть, Алла Николаевна. Поэтому сначала давайте посмотрим, что у вас там происходит, – примиряюще сказал он. – Может, у вас там ничего страшного, а вы нас уже в чем-то обвиняете.

– Конечно, это для вас ничего страшного, а я вас боюсь. Вон недавно по телевизору показывали: у зубного одному мужчине ввели наркоз, усыпили, а он и не проснулся.

Лунин усадил ее в кресло. Посмотрел зуб – металлокерамическая коронка поставлена идеально, к работе ортопеда не придерешься.

– Так, здесь всё нормально, – сказал Лунин. – Теперь давайте посмотрим снимочки.

Он завел Аллу Николаевну в закуток, где стоял дентальный рентген-аппарат.

– Эльвира Александровна, зайдите сюда, пожалуйста, – негромко позвал он. – Помогите снимки найти.

Пришла, оторвавшись от пациента в соседнем кабинете, терапевт Эльвира, милая пухленькая женщина. Это она лечила зуб Аллы Николаевны. Испуганно поглядывая на потребителя-экстремиста, она, ерзая мышкой, нашла в компьютере снимки зуба после депульпирования.

– Смотрите, Алла Николаевна. Вот на снимке ваш зуб, так сказать, в разрезе, – комментировал, глядя в монитор, Лунин. – В нем три нерва, три канала. Нервы были воспалены, их пришлось удалить, чтобы зуб обработать. Каналы Эльвиры Александровна – а она очень хороший специалист, уверяю вас – зачистила и запломбировала. Мы здесь на снимке видим, что

каналы заполнены полностью, туда не попадут никакие микробы, а значит, не будет воспаления, и зуб под коронкой не заболит...

– А он болит, ох, как болит, – вставила Алла Николаевна и вновь взялась за щеку.

– ... Затем, чтобы зуб укрепить, в него был введен металлический штифт, а потом установлена световая пломба. Всё! Получился монолит, готовый к обработке под коронку. И коронку вам поставили замечательную, на нее приятно посмотреть.

– А зуб-то болит, спасу нет, – сказала Алла Николаевна.

– Теперь давайте посмотрим документики, которые мы с вами оформили, прежде, чем приступить к лечению, – Лунин невозмутимо открыл папку. – Вот договор на оказание платной медицинской помощи, вами подписанный. Еще вы подписали информированное согласие на проведение осмотра, на рентгенологическое обследование, на проведение анестезиологического пособия, на терапевтическое лечение и еще наше уведомление о том, что нужно соблюдать рекомендации врача...

– Ой, ничего я не понимаю, что вы там говорите, – махнула рукой женщина.

– Согласия на обработку персональных данных и анкету о состоянии здоровья и перенесенных заболеваниях вы решили нам не давать, и о вашем несогласии подписали вот эту бумагу, – продолжал Лунин. – Так что с документами у нас с вами всё в порядке.

– Да что мне ваши документы! Деньги возвращайте, раз не умеете ничего. Пойду к другим врачам, – сказала Алла Николаевна.

– Хорошо, деньги мы вернем, если вы настаиваете. Но сначала надо провести независимую экспертизу. И обязательно снять коронку.

– Как это? Вот те раз! – Экстремистка насторожилась. – Нигде не снимают, а вы напридумывали тут.

– И зря не снимают. Без этого невозможно сделать качественную экспертизу, – терпеливо объяснил Лунин. – Поэтому, Алла Николаевна, как только вы примите решение, мы сразу вам всё это сделаем. Не беспокойтесь, коронку аккуратненько распилим, снимем. И, если что, деньги обязательно вернем.

Он захлопнул папку и с виноватой улыбкой, как бы с сожалением, смотрел на экстремистку.

– Облапошить хотите? – Она встала, поступив взор. – Ладно. Я на вас управу найду. Еще вспомните меня.

8

Мужик принимает решение жениться только в трех случаях. Или по большой любви, когда ему кажется, что он жить не может без этой женщины, и впереди их ждет безграничное счастье. Или по «залёту», когда он, как честный человек, не может бросить на произвол судьбы партнершу, попавшую в беду по его вине, – как ни крути, в конечном итоге от него зависит, насколько он физиологически осторожен и предусмотрителен в любовных игрищах. Женитьба Лунина подпадала под третий случай, когда большой любви, вроде бы, нет, но наблюдается неодолимое притяжение к стройным женским ногам и тем аппетитным округлостям, которые повыше. Неожиданной беременности тоже не случилось, поэтому совесть его была чиста. Но тут в действие вступили законы, настойчиво подталкивающие Лунина поступать, словно под гипнозом, вопреки его искренним желаниям. Их роман с Верой Петровной, замом главврача по административно-хозяйственной работе, стал достоянием всего коллектива городской стоматологической поликлиники. Вере это нравилось, потому что ей уже была пора выходить замуж, рожать детей, и огласка отношений давала надежду, что Лунин не пойдет наперекор своей порядочности на глазах коллектива. Лунина же, который по своему мужскому возрасту мог вполне еще «погулять», корбило от того, что его личная жизнь совершенно прозрачна в лучах всеобщего внимания. Но раз уж так получилось, приходилось играть по неписанным правилам, чтобы не выглядеть подлецом и негодяем в глазах зубоврачебной общественности.

По сути, Лунин участвовал в спектакле под названием «Любовь напоказ», в котором он играл счастливого, глуповатого влюбленного. По выпавшей ему роли, главной в этом перформансе, он всегда должен был хорошо одет, чисто выбрит, хорошо пахнуть, часто и лучезарно улыбаться. Свою возлюбленную он должен был терпеливо дожидаться в конце рабочего дня, галантно помогать ей надевать пальто и провожать до дома. По улице они должны были ходить, держась за руки. По ходу пьесы он должен был всегда готов к жизнерадостному смеху и изображению восторга на лице, а в игре его должны были присутствовать правдивость, жизненность и естественность. Если Лунин вдруг забывал текст или терялся в сложных изгибах какой-нибудь мизансцены, суфлер в лице Веры всегда готов был прийти к нему на помощь.

Родителям Лунина Вера, в общем-то, понравилась. Может, потому, что до нее их сын водил дружбу с другой девушкой, которая пришлась не по нраву его маме. Однажды зимним, погожим вечером родители прогуливались по городу. Впереди перед ними вышагивала молодая пара. «Как же не повезло парню!» – подумала мама, отметив некрасивую кривоноготь девушки. И тут, к своему ужасу, она узнала в парне своего сына. И у суфлера в спектакле появился добросовестный помощник.

В финале пьесы под бурные аплодисменты протрещал свадебный салют.

Спектакль закончился, зрители разошлись, потянулись житейские будни. Родители Лунина ради сына пошли на жертву, предоставив молодым однокомнатную хрущевку, забрав оттуда к себе на постой и на вечную свару скандальную старенькую бабушку, близкую к деменции. Молодоженам повезло жить сразу отдельно от родственников, никто не мешал им начать жить уютное семейное гнездышко. Гнездышко выросло в полноценное трехкомнатное гнездо, когда родители Веры достали из загашника малосемейку, припасенную для дочери, и выгодно ее продали. Пока у Веры никаких изменений в организме не наметилось, молодая пара решила зря время не терять, а готовить квартиру к появлению в ней ребенка. Поскольку квартира была до безобразия запущена предыдущими жильцами, начались ремонтная эпопея по оштукатуриванию стен, замене оконных рам, клейке обоев, покраске полов... Эпопея изрядно затянулась: то денег нет, то некогда, то неохота. А то Лунин заартачится, всячески оттягивая очередную встречу с бригадой родственников Веры. Они, конечно, ребята и девчата дружные, и это, вроде бы, хорошо, но он чувствовал себя инородным телом в их сплоченном коллективе,

поскольку сам он к ремонтным работам таланта не имел. «Сразу видно, – пошутил как-то тесть, – что окромя стакана и своего причиндала ты в руках ничего не держал». (Правда, потом, когда Лунин аккуратно и бесплатно удалил ему сгнивший зуб, тесть зятя зауважал). Особенно бесило Лунина кудахтанье тещи. Она была главная в семействе, сама мало что делала, в основном командовала, все ее слушались, в том числе ее муж Петя, молчаливый рабочий человек. Наблюдая отношения тещи и тестя, Лунин узнавал в тещиных повадках свою жену – Вера также любила покомандовать Луниным, лежа на диване. И готовила она также неохотно и невкусно, как ее мать. Лунин даже научился сам борщ варить. А уж яичница-глазунья его выручала всю жизнь еще со студенческой поры.

Чтобы поменьше общаться с родней, хорошо было бы нанять ремонтников со стороны. Но им же платить надо, а денег у Лунина с Верой было в аккурат, вот тогда-то впервые он и загорелся идеей о частной клинике.

Ремонты мало-помалу наконец-то завершились. Теперь можно было более основательно задуматься о ребенке. «Вы предохраняетесь, что ли?», – однажды осторожно поинтересовалась у Лунина мама. Нет, они не предохранялись, жили здоровой полнокровной жизнью. Может, не так часто и не так разнообразно, как хотелось бы Лунину, но без всяких там резинок и спиралек, свечек и таблеток. А то, что Бог пока не хотел давать ребенка, то на данный момент это к лучшему: в квартиру надо купить сервант, просторную кровать, новый диван, телевизор, холодильник, газовую плиту, шторы приличные на окна повесить. Потом при ребенке не до этого будет.

Тем временем Лунин всерьез погрузился в свой проект. Ему осточертела городская поликлиника с вечными очередями, облезлыми стенами и конвейером из пациентов, жаждущих бесплатно, на халяву, решить свои зубные проблемы. В этой бесплатности была какая-то несправедливость и неправильность. Они ему лично ни копейки не платят, а он почему-то за унижительно мизерную зарплату обязан выкладываться в полную силу, кропотливо следуя протоколу лечения. Его также раздражало, что он может спокойно и безбоязненно «сачкануть», вычистив зубной канал пациента не до конца, и об этом только он, Лунин, будет знать один, а потом через месяц-два-три, когда десна воспалится, пойдешь, разбери, в чем причина и кто виноват. А он хочет работать на совесть! Но и соответственно за это получать.

Чтобы организовать частную клинику, нужны были деньги на зубоорудование и офис – помещение хотя бы двухкомнатное и на первом этаже в многоэтажке где-нибудь в центре города. Связать жизнь с банковским кредитом в несколько миллионов было страшно. Друг сердечный Вениамин сказал: «Паша, я готов участвовать в твоей аванюре, только в финансы меня не вовлекай, я в них ничего не понимаю и боюсь. Ну его на фиг, кредит этот». Жена родная Вера вообще недоверчиво отстранилась от его планов, ее позиция была: «Делай, что хочешь, только чтобы не получилось так, что у нас вдруг ни кола, ни двора». Конечно, ей было далеко до жен декабристов, которые за любимыми мужьями из домашнего тепла – на мороз аж в Сибирь, но Лунин, поразмыслив, не стал обижаться: действительно, если у него ничего не получится и он окажется у разбитого корыта, пусть хотя бы у Веры останется постоянная работа со стабильной зарплатой.

Еще неизвестно, решился бы Лунин или нет на рискованный шаг, если бы не отец, к которому он, весь в жутких сомнениях, обратился за советом. Отец в то время после того, как на заводе новые собственники разогнали весь командно-инженерный состав и привезли своих управленцев, трудился в какой-то хитрой конторе по поставке и ремонту кассового оборудования. «Сынок, – сказал отец с обычной для него иронией, – цель в жизни надо выбирать как можно крупнее. Так легче не промахнуться». Он предложил купить помещение под клинику на их с матерью личные сбережения. Так и так родители собирались вложить рубли в недвижимость, это надежнее, чем доллары запасать. «Зачем помещение будет бесполезно пустовать?

Залазь туда со своим оборудованием и работай. Потом разберемся». Таким образом, сумма банковского кредита для Лунина уменьшилась раза в три.

Квартира Луниных, постепенно заполняясь полезными вещами и разной домашней утварью, уже была готова принять в свои стены долгожданного ребенка, однако организм Веры упорно не реагировал на усилия, предпринимаемые для зарождения в нем новой жизни. Родители молодых супругов начали проявлять беспокойство – им, «вынь да положь», надо было внуков. Теща доводила дочь до слез, кудахтая про койку: «Вы что там в койке-то делаете? В носу ковыряете?». Нет, «в койке» они делали всё, как положено. Лунин даже испытывал к теще благодарность за то, что она не давала дочери лениться в этом важном и приятном для него деле. Вера почему-то без особого энтузиазма относилась к интимной стороне супружеских отношений, почему-то ее всегда приходилось уговаривать, упрашивать, подлизываться к ней, а то и обижаться на нее порой до серьезной ссоры. А тут «иди сюда, не бойся», не отвертись. Да еще, следуя интернетовским рекомендациям, чтобы создать благоприятную атмосферу, она сама покупала и зажигала в спальне благовонные свечи, надевая, чтобы потом медленно и стриптизно снять – при свечах, под размеренную, ритмичную «Энигму» – красивое, ажурное белье. О, рядом с Луниным была словно другая женщина! Для зачатия рекомендовалось практиковать и варьировать благоприятные позы – ну что ж, Лунин был очень даже не против. Не избалованный женой, он чувствовал себя развратным султаном, купающимся в наслаждениях.

Время шло, но, несмотря на их совместные ухищрения, результат оставался нулевым. Мама Лунина встревоженно спрашивала у него, не делала ли Вера когда-либо аборт, он ведь ее не девочкой взял. Нет, аборт Вера, с ее слов, не делала. Был у нее в юности какой-то парень, но и Лунин ведь тоже давно не мальчик. Тогда мама Лунина взяла вопрос продолжения рода в свои руки. Она работала учителем, которого, наверное, ученики и ученицы любили, если судить по тому, что не раз и не два, случалось, в дни ее рождения выпускники классов, где она преподавала, собираясь под ее балконом веселой мальчишечье-девчачьей толпой, скандировали на всю улицу поздравление, а потом дарили цветы и огромный торт. И это была не фантастика, как поначалу думали ее недоверчивые коллеги-учителя, когда до них доходили об этом слухи, – нет, оказывается, бывает и такое. А если дети любят своего учителя, то их родители тоже его любят. А если среди родителей есть врачи, то к кому еще могла обратиться мама Лунина со своей бедой?

Упоительная жизнь султана для Лунина на время прекратилась, вместо этого началось медицинское обследование-расследование на тему, в чем причина бесплодия Веры. Лунин послушно делал всё, что ему говорили: посещал уролога, сдавал анализы, не принимал горячую ванну, не употреблял алкоголь, не поднимал тяжести. Занятый своей клиниккой, Лунин глубоко не вникал в сам процесс обследования. Запомнилось, что когда сдавал свой «биоматериал» для спермограммы, медсестра сообщила, что в одном миллилитре его спермы должно содержаться не меньше двадцати миллионов половых клеток. Если меньше, мол, то это вполне могло стать причиной бесплодия жены. Он было забеспокоился, но, на его счастье, двадцать миллионов ему насчитали. Веру мучили больше и дольше. В ее телефонных переговорах то и дело мелькала непроходимость каких-то таинственных, словно марсианских, фаллопиевых каналов. И, вроде бы, ей сделали какую-то несложную операцию, чтобы исключить эту непроходимость. Потом жизнь султана для Лунина продолжилась, но уже более прозаично, без свечей и прочей романтической атрибутики, а как-то деловито, упорно, по рабоче-крестьянски, с намеченной впереди целью.

Однако опять там где-то что-то никак не хотело законтачить, выбить искру новой жизни. Вера расстраивалась, говорила, что у нее все нормально, и вообще по статистике только в тридцати процентах случаев бесплодия виноваты женщины, в остальном это проблемы у мужчин. В Интернете она вычитала, что скорость сперматозоидов должна быть сорок пять километров в секунду. Может, у лунинских скорость маловата? Такие подозрения ставили Лунина в тупик:

ладно, допустим, скорость не та, но как ее измерить? И что ему сделать, чтобы эти живчики бегали быстрее. Хотя куда еще-то быстрее, со скоростью света, что ли? Пробовал поинтересоваться у медиков, но в ответ встречал только ироничные усмешки: ничего ему не надо замерять – по результатам обследования он был здоров.

Оставалась надежда на экстракорпоральное оплодотворение. Если без квоты, деньги на ЭКО требовались немалые, причем, абсолютной гарантии на получение беременности никто дать не мог. Неизвестно, суждено ли было когда-либо Вере родить, если бы не героическая настойчивость мамы Лунина, которая добилась квоты на бесплатное ЭКО и трепетного отношения врачей к снохе. Так появились на свет малыши – Серёжка и Вовка.

9

– Ого, у тебя новая машина!?! – удивилась Ольга.

Лунин, дождавшись, подхватил её возле музыкального колледжа, где она преподавала хоровое дирижирование.

Последнее время, после того, как Ольга заехала в их ипотечную квартиру, Лунин жил на два дома. Для Веры под свои частые отлучки он придумывал незатейливые легенды, типа: поехал с ночевкой на рыбалку с друзьями, которых она не знает; задержался на работе, а потом, встретив одноклассника, долго на улице стояли-трепались; решил заночевать в деревне, надо отдохнуть, развеяться; срочная командировка на учебу в другой город... Под командировку они с Ольгой однажды даже в дом отдыха съездили. Но это была жизнь ненормальная – вечно с оглядкой, по-шпионски, на нервах, с оправданиями перед женой, а то и с разборками. Дурацкая жизнь. Ее надо было прекращать, и начинать новую, нормальную.

Дочка Ольги еще не вернулась из городского детского лагеря. Третьеклассница Маруся – маленькое подобие Ольги. Может, поэтому Лунин ее сразу полюбил, чему не помешало даже то, что ее отец – полный придурок. Лунин сравнивал свою любовь к неродной девочке с любовью к своим малышам и не находил большой разницы.

Не сговариваясь, Павел и Ольга поспешили воспользоваться отсутствием Маруси, никакие стрессы и неприятности не могли помешать их влечению друг к другу. Лунин лишь спросил:

– А тебе еще можно?

– Можно, еще долго можно.

И только потом он рассказал о случившемся.

– Возможно, я бы остановился, но тут Верка крикнула «сворачивай, пока никого нет». Я, конечно, сам, виноват – запаниковал, растерялся. Но, с другой стороны, если бы я остановился, мне маячило бы четыре года принудительных работ или пять лет тюрьмы...

– Кошмар! Правильно, что не остановился. – Ольга была потрясена и озабочена. – Тюрьмы нам только и не хватало.

– Возможно, и скостили бы сколько-то, – продолжал Лунин. – Но опять же «возможно». Полная непредсказуемость. И не посоветуешься ни с кем, потому что... нельзя никому говорить. А если явка с повинной... Представляешь, всё вокруг пропитано враньем, сплошным враньем, а я, такой честный, прихожу и признаюсь. Они там пальцем у виска покрутят, посмеются между собой: вот, типа, мужик-дурак, сидел бы, помалкивал.

– А могут тебя найти? – спросила Ольга, одеваясь.

– Вроде бы, не должны. Но есть другая опасность, и очень серьезная.

– Какая?

Лунин помолчал, натягивая джинсы.

– Как же это все не вовремя, ёлы-палы – пробормотал он.

– Что? Какая опасность?

– Понимаешь, тут такое дело. Верка дала мне понять, что если я разведусь с ней, то она меня... сдаст. Пойдет, куда надо, и всё расскажет. И тогда меня уже точно посадят, я же скрылся с места... преступления.

– Она же сама тебя к этому подтолкнула! – воскликнула Ольга.

– Попробуй докажи. В общем, мрак какой-то.

Они сидели, обнявшись. Вот-вот должна была заявиться Маруся.

– Ты веришь, что она может решиться на это? – спросила Ольга.

– Зная ее мстительный характер, допускаю. Она чувствует, что я ее не люблю, что она мне просто физически неприятна. Иногда она становится неадекватной, остервенелой. Отвратительной.

– Но она же, получается, соучастница! Какой смысл ей тебя сдавать? Её же тоже могут привлечь.

– Наговорит с три короба, что, типа, уговаривала меня сознаться, а я ни в какую. Выкрутится.

– И что теперь?

Лунин вдруг нервно рассмеялся.

– Если следовать сценариям дебильных детективов, которые сейчас гоняют по телевизору, то проблема решается легко, – сказал он. – Я просто должен ее убить. Ну, типа, отравить, или подтолкнуть с обрыва, или утопить. Как бы, несчастный случай. Совершив злодеяние, мы заберем малышей к себе, будем жить спокойной, счастливой жизнью, а какой-нибудь въедливый следователь будет вокруг нас крутиться, вынюхивать...

Ольга шлепнула ладошкой по его плечу.

– Павел, я серьезно! Что нам делать? Это тупик какой-то, я вообще выхода не вижу. Плакать хочется.

Действительно, в ее глазах блеснули слезы.

– В тюрьму я тебя не отпущу, – твердо сказала она. – Ненавижу эти наши законы, они формальные, бесчеловечные.

– Эх, Оленька, если бы, не дай Бог, сбили бы вот так кого-то из наших близких, о законах другой бы был разговор. Не в этом дело. Закон есть и пусть. Есть люди, обязанные следить, чтобы он выполнялся, они за это деньги получают. Но поскольку им на нас, в принципе, наплевать, наша задача – самим позаботиться о себе любимых и вывернуться как-то из этой хрени.

– Хорошо, давай выворачиваться, – согласилась Ольга. – Никакой явки с повинной не будет, это мы решили. Что дальше?

– Пока не знаю. Просто ума не приложу. Думать надо.

– Может, ты слишком мнительный и преувеличиваешь? – настойчиво спрашивала Ольга. – Мало ли что она в сердцах сболтнула, а мы тут накручиваем. Неужели она надеется удержать тебя угрозами? Она же не монстр, не чудовище, чтобы засадить в тюрьму отца своих детей. В конце концов, после развода ты бы ей деньгами помогал, а из тюрьмы какая помощь? Она же не совсем дура. Тебе надо с ней поговорить. Ты умеешь убеждать. Моего отморозка ты же сумел убедить.

– Постучи по дереву, – сказал Лунин.

Отморозком они называли бывшего мужа Ольги. И не только потому, что его фамилия была Морозов. Станным образом этот мерзкий тип создал благоприятные условия для того, чтобы Павел и Ольга познакомились. Если бы он не выбил Ольге зуб, она бы не пришла на приём к «Доброму стоматологу». Обычно Морозов бил жену кулаком в голову, но на этот раз его руку повело после третьей рюмки, и кулак пришелся в челюсть. Челюсть устояла, а один из зубов – нет. Пока Лунин занимался не один день ее зубом, удаляя остатки корня, готовя соседний зуб под коронку с мостиком, он успел молодую, симпатичную женщину хорошо рассмотреть. У нее был измученное, явно заплаканное лицо, он воспринял бы это как последствие, связанное с потерей зуба, если бы под левым глазом на коже не проступала желтизна. Он замечал, что она тоже его рассматривает – украдкой, с детской доверчивостью.

– Как это вас угораздило избавиться, судя по всему, от здорового зуба? – не удержался он спросить с добродушным укором.

– Мыла пол, поскользнулась, упала, ударилась о батарею, – произнесла она скороговоркой.

Ее ответ прозвучал, как «поскользнулся, упал, очнулся – гипс», и Лунин, не удержавшись, рассмеялся.

– Вы не только добрый стоматолог, но и веселый, – живо откликнулась она.

Лунин всегда ценил преимущество стоматолога перед специалистами других медицинских сфер в том, что пациент у него во время лечения вынужден молчать, поскольку говорить с широко открытым ртом не очень ловко. Любому неугомонный болтун умолкал перед ним в кресле. А тут он невольно пожалел, что ему приходится общаться только в форме монолога. Личное пространство между пациентом и стоматологом, как правило, сужено до критического минимума, рот, губы, зубы – интимная зона, и не каждый выдерживает это испытание. У Лунина в клинике время от времени случались влюбленности. Особенно доставалось миловидной Эльвире. Она жаловалась, что некоторые мужики-пациенты начинают ей «строить глазки», делать намеки, спрашивать «телефончик», а то и бывало, кое-кто подкарауливал на улице, чтобы вместе прогуляться. И ортопед Лариса Витальевна призналась как-то, что не знает, как отвязаться от навязчивого ухажера. Сам Лунин тоже не избежал подобных историй, он даже поимел пару романов, последний из которых закончился нескладно, заставив его пережить немало неприятных минут. Пациентка влюбилась не на шутку, а для него это было сладостное, но мимолетное приключение. Когда его пыл поулег, и встречаться он стал соглашаться всё реже и реже, а потом и напрямую признался, стараясь быть щадяще мягким и доброжелательным, что им лучше расстаться, оказалось, что на той стороне за любовь решили бороться. Были и бесконечные телефонные звонки, и слезы, и визиты в клинику с бессмысленными разговорами, и хватание за рукав на улице, и даже жирная надпись на кирпичной стене перед окнами клиники, на потеху публики: «Павел, я люблю тебя!».

Однажды Лунин провел с персоналом рабочую летучку с повесткой «Как вести себя в условиях сексуальных домогательств со стороны пациентов». Он произнес короткую речь, в которой прозвучало его стратегическое понимание данной проблемы. Он заявил, что «некоторые пациенты принимают наше обходительное, ласковое и даже трепетное отношение к ним в процессе лечения за проявление, как это по-дурацки ни звучит, оболъщения, совращения, короче, они начинают думать, что вы к ним не равнодушны и с вами можно замутить. Что делать в такой ситуации? Ни в коем случае нельзя отказываться от принятой нами линии поведения. Сто раз говорил и вновь повторяю, что клиент всегда прав, и при любом раскладе мы окружаем его заботой, вниманием и... лаской в приличном смысле этого слова. Если клиент проявляет к вам знаки внимания, то это даже хорошо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.